

~ АНТИЧНЫѢ МОТИВЫ ~

АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА

Александр Семёнович Кушнер

Античные мотивы (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8687207
Кушнер А. С. Античные мотивы.: ООО «Союз писателей Санкт-Петербурга» / «Геликон Плюс»; СПб; 2014
ISBN 978-5-93682-963-5*

Аннотация

«...Античные приметы, подробности, ассоциации сопутствуют мне всю жизнь, и речь при этом в стихотворении может идти о чем угодно: о любви, о природе, об искусстве, о смысле жизни. Минорная или трагическая, скорбная интонация дополняется легкомысленной, шуточной, иронической, какой угодно. Спектр разнообразный и никак не сводится к одной или двум краскам. По датам, проставленным под стихами, читатель увидит, что античные мотивы не покидают меня и сегодня...» В издание вошли стихотворения Александра Семёновича Кушнера разных лет и эссе «С Гомером долго ты беседовал один...».

Содержание

От автора	5
Античные мотивы	11
Ваза	11
«Вижу, вижу спозаранку...»	13
Лавр	14
«Исследовав, как Критский лабиринт...»	16
Руины	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Кушнер

Античные мотивы

© Кушнер А., текст, 2014

© «Геликон Плюс», макет, 2014

От автора

Античные мотивы в русской лирике – не экзотика, не чужеродный элемент, они вошли в нее с самого начала, без них не обошлись ни Тредиаковский, ни Ломоносов, ни тем более Державин. Об этом в одном из стихотворений, не включенных в книгу, сказано:

...Ломоносов виноват,
Первым из-за горизонта
К нам приведший наугад,
Как бычка, Анакреонта.

Батюшков, Пушкин, Баратынский, Тютчев непредставимы без мифологических тем и уподоблений, без ссылок на древнегреческую и римскую историю. «Друг милый, ангел мой, сокроемся туда, Где волны кроткие Тавриду омывают И Фебовы лучи с любовью озаряют Им древней Греции священные места...», «Когда за призраком свободы Нас Брут отчаянный водил...», «Завтра увижу я башни Ливурны, Завтра увижу Элизий земной...», «Ты скажешь: ветреная Геба, кормя Зевесова орла...»

То же можно сказать о многих других: Майкове, Фете, Анненском, символистах, акмеистах, Ходасевиче, Цветаевой... Хотя, разумеется, были поэты, к античным мотивам обра-

щавшиеся редко (Лермонтов, Пастернак) или обходившиеся без них (Некрасов, Блок), – и объяснить причину этого можно, исходя из их идеологической направленности или очень личных свойств – разобраться в этом было бы очень интересно, но не сейчас и не здесь.

Советская поэзия откровенно сторонилась Греции и Рима и вообще западной культуры. Имена греческих богов, поэтов или римских философов, императоров в лучшем случае считались излишеством, чуждым революционной эпохе. Советская поэзия росла на голой почве – и гордилась этим.

Сегодняшней поэзии, как будто отвернувшейся от социалистической идеологии и склонной к повторению авангардистских открытий и «новаторства», Аполлон или Овидий тоже ни к чему. (За редким исключением: Алексей Пурин, например.)

1962 годом помечено первое мое стихотворение на античный мотив («Ваза»), вошедшее в книгу «Первое впечатление» (1962)¹. Мне, родившемуся в Петербурге с его Летним садом, Камероновой галереей в Царском Селе, колоннадой Аполлона в Павловске, памятниками Кутузову и Барклаю де Толли в римских тогах-плащах перед Казанским собором, мне, читавшему в детстве «Илиаду» и «Одиссею» в переводах Гнедича и Жуковского, твердившему, как заклинание,

¹ Стихи в книге представлены в хронологическом порядке, но иногда этот порядок нарушается в угоду сюжетной необходимости.

мандельштамовские строки: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины...», обожавшему греческую и римскую скульптуру, выставленную в Эрмитаже, пройти мимо всего этого баснословного богатства, унаследованного не только Европой, но и послепетровской Россией, было невозможно.

Упреки в «камерности» и «книжности», сопутствовавшие мне с юных дней, не охлаждали, а наоборот, разогревали в сознании тягу «к мировой культуре». В каком-то смысле я смолоду ощущал свое одиночество в поэзии – и думаю, что оно оказалось плодотворным: я шел своей дорогой и, если говорить о современниках, встречался на ней только с Бродским, для которого «римская тема» («греческую» он всё же обходил стороной), была так же важна. Недаром он мне сказал однажды, уже в Америке: «Александр, когда я встречаю в твоих стихах античные сюжеты, я, как охотничья собака, делаю стойку». При этом разница в интонации, строфике и мировоззрении избавила нас от совпадений.

Важно отметить, что античные мотивы, столь любимые мной, никак не подпадали под рубрику «антологической поэзии» в духе А. Майкова. Они, эти мотивы, имели прямое отношение к моей жизни, к современности, были тесно переплетены с нею. Читатель увидит, если его заинтересует эта книга, как петербургские реки перетекают в летейские, как лавр, «воспетый Овидием», пригождается в стихах о поездке в Грузию, как «Критский лабиринт» пересекается с любовью

и телефонным разговором, как бабочка, как будто прилетевшая из античной драмы, сложившая крылья, а затем поднимающая их, помогает справиться с тоской и душевным унынием, как в обычной городской комнате оконные занавески на ветру превращаются в «Пергамский алтарь на воздушной подкладке» и т. д.

Мало того, из-за стихотворения «Аполлон в снегу» у меня были большие неприятности: эти стихи прочел вслух на собрании творческой интеллигенции города первый секретарь ленинградского обкома партии тов. Романов и, переверая фамилию автора, заявил: «Если поэту Кушнину здесь не нравится, пусть уезжает». А дело в том, что Аполлон в снегу – это поэтическая метафора, имеющая прямое отношение к трагической судьбе русской поэзии в XX веке: «Это мужество, это метель, Это песня, одетая в дрожь...» Спасло меня только то, что стихи не были напечатаны: референты подсунули Романову стихотворение, отданное мною в журнал «Аврора», но еще не опубликованное. Получился «прокол»: первый секретарь обкома выдал тайну, показав, что партия не только следит за литературным процессом, но и подменяет собой цензуру.

Просматривая сейчас многие стихи, удивляюсь тому, как они вообще могли быть не только написаны, но и напечатаны в те годы.

«Цезарь, Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Сам собой этот перечень лег в стихотворную строч-

ку...» (1979) – так начинается одно из стихотворений, впервые опубликованное в журнале «Студенческий меридиан» № 3 за 1980 год, а затем, через шесть лет, – в книге «Дневные сны». Аналогия с отечественными вождями-«императорами» здесь очевидна и недвусмысленна: «О, какой безобразный, какой соблазнительный сон!...»

Античные приметы, подробности, ассоциации сопутствуют мне всю жизнь, и речь при этом в стихотворении может идти о чем угодно: о любви, о природе, об искусстве, о смысле жизни. Минорная или трагическая, скорбная интонация дополняется легкомысленной, шуточной, иронической, какой угодно. Спектр разнообразный и никак не сводится к одной или двум краскам. По датам, проставленным под стихами, читатель увидит, что античные мотивы не покидают меня и сегодня.

В заключение хочу сказать, что предвижу опасное для такой «тематической» книги недоразумение: может показаться, что этот мотив в моей лирике определяющий. Ничего подобного! Все эти стихи «растворены» в восемнадцати книгах, а самые последние написаны совсем недавно. Тем не менее, решаясь на этот шаг – собрать близкие по духу и тематике стихи под одной обложкой, понимаю, что, возможно, совершаю ошибку. Это Фет в старости поделил свои стихи на разделы, назвав их «Весна», «Лето», «Осень», «Снега», «Мелодии», «Вечера и ночи», «Антологические стихотворения», «Море» и т. д. Ничего подобного я устраивать не со-

бираюсь, книги своих стихов перемешивать и разнимать на части не хочу: ведь так можно распустить пряжу, запутать и уничтожить сложившийся узор. Тогда почему бы не издать книгу «городских» стихов, или «пейзажных», или еще у2же – «морских», и так называемых «философских», что и вовсе было бы нелепо и претенциозно, и «любовных» и т. д.

«Но я боюсь вам наскучить». Это неловкую фразу я чуть не приписал пушкинской Татьяне, но вовремя спохватился: она из лермонтовского «Валерика». Я тоже боюсь наскучить – и прошу прощения за этот первый (и, наверное, последний) опыт не свойственного мне подбора стихов по одному мотиву, выхваченному из общей звучащей массы, мотиву, ни в коем случае не главному, проходному и все-таки дорогому для меня. Может быть, читатель прислушается к нему – и что-то отметит, выберет, полюбит.

Античные мотивы

Ваза

На античной вазе выступает
Человечков дивный хоровод.
Непонятно, кто кому внимает,
Непонятно, кто за кем идет.

Глубока старинная насечка,
Каждый пляшет и чему-то рад.
Среди них найду я человечка
С головой, повернутой назад.

Он высоко ноги поднимает,
Он вперед стремительно летит,
Но как будто что-то вспоминает
И назад, как в прошлое, глядит.

Что он видит? Горе неуместно.
То ли машет милая рукой,
То ли друг зовет – неизвестно!
Потому и грустный он такой.

Старый мастер, резчик по металлу,

Жизнь мою в рисунок разверни, —
Я пойду кружиться до отвалу
И плясать не хуже, чем они.

И в чужие вслушиваться речи,
И под бубен прыгать невпопад,
Как печальный этот человечек
С головой, повернутой назад.

1962

«Вижу, вижу спозаранку...»

Вижу, вижу спозаранку
Устремленные в Неву
И Обводный, и Фонтанку,
И похожую на склянку
Речку Кронверку во рву.

И каналов без уздечки
Вижу утреннюю прыть,
Их названья на дощечке,
И смертельной Черной речки
Ускользящую нить.

Слышу, слышу вздох неловкий,
Плач по жизни прожитой,
Вижу Екатерингофки
Блики, отблески, подковки
Жирный отсвет нефтяной.

Вижу серого оттенка
Мойку, женщину и зонт,
Крюков, лезущий на стенку,
Пряжку, Карповку, Смоленку,
Стикс, Коцит и Ахеронт.

Лавр

Не помнит лавр вечнозеленый,
Что Дафной был и бог влюбленный
Его преследовал тогда;
К его листве остроконечной
Подносит руку первый встречный
И мнет, не ведая стыда.

Не помнит лавр вечнозеленый,
И ты не помнишь, утомленный
Путем в Батум из Кобулет,
Что кустик этот глянцевиый,
Цветами желтыми увитый,
Еще Овидием воспет.

Выходит дождик из тумана,
Несет дымком из ресторана,
И Гоги в белом пиджаке
Не помнит, сдал с десятки сдачу
Иль нет... а лавр в окне маячит...
А сдача – вот она, в руке.

Какая долгая разлука!
И блекнет память, и подруга
Забыла друга своего,
И ветвь безжизненно упала,

И море плещется устало,
Никто не помнит ничего.

1971

«Исследовав, как Критский лабиринт...»

Исследовав, как Критский лабиринт,
Все закоулки мрачности, на свет
Я выхожу, разматывая бинт.
Вопросов нет.

Подсохла рана.
И слезы высохли, и в мире – та же сушь.
И жизнь мне кажется, когда встаю с дивана,
Улиткой с рожками, и вытекшей к тому ж.

От Минотавра
Осталась лужица, точнее, тень одна.
И жизнь мне кажется отложенной на завтра,
На послезавтра, на другие времена.

Она понадобится там, потом, кому-то,
И снова кто-нибудь, разбуженный листвою,
Усмотрит чудо
В том, что пружинкою свернулось заводной.

Как в погремушке, в раковине слуха
Обида ссохшаяся дням теряет счет.
Пусть смерть-старуха

Ее оттуда с треском извлечет.

Звонит мне под вечер приятель, дуя в трубку.
Плохая слышимость. Всё время рвется нить.
«Читать наскучило. И к бабам лезть под юбку.
Как дальше жить?»

О жизнь, наполненная смыслом и любовью,
Хлынь в эту паузу, блесни еще хоть раз
Страной ли, музою, припавшей к изголовью,
Постой у глаз

Водою в шлюзе,
Всё прибывающей, с буксиром на груди.
Высоким уровнем. Системою иллюзий.
Еще какой-нибудь миражик заведи.

1974

Руины

Для полного блаженства не хватало
Руин, их потому и возводили
В аллеях из такого матерьяла,
Чтобы они на хаос походили,
Из мрамора, из праха и развала,
Гранитной кладки и кирпичной пыли.

И нравилось, взобравшись на обломок,
Стоять на нем, вздыхая сокрушенно.
Средь северных разбавленных потемок
Всплывал мираж Микен и Парфенона.
Татарских орд припудренный потомок
И Фельтена ценил, и Камерона.

Когда бы знать могли они, какие
Увидит мир гробы и разрушенья!
Я помню с детства остовы нагие,
Застывший горя лик без выраженья.
Руины... Пусть любят другие,
Как бузина цветет средь запустенья.

Я помню те разбитые кварталы
И ржавых балок крен и провисанье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.